

- ⁶ См.: *Благой Д. Д.* Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой // Пушкин: исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 50.
- ⁷ *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1990. С. 120.
- ⁸ Там же. С. 122.
- ⁹ См.: Теория литературы: в 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 288.
- ¹⁰ См.: *Лотман Ю. М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 328.
- ¹¹ *Силантьев И. В., Тюпа В. И., Шатин Ю. В.* Мотивный анализ. Новосибирск, 2004. С. 50.
- ¹² *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 480–481.
- ¹³ См.: *Виролайнен М. Н.* Речь и молчание. С. 446.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 394.
- ¹⁵ См.: *Казари Р.* Уход Степана Трофимовича Верховенского // *Sine arte, nihil.* Белград; Москва, 2002. С. 150.
- ¹⁶ *Маркович В. М.* Человек в романах И. С. Тургенева. Л., 1975. С. 123.
- ¹⁷ *Катаев В. Б.* Финал «Невесты» // Чехов и его время. М., 1977. С. 173.
- ¹⁸ Об этом типе сюжета см.: Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: экспериментальное издание. Новосибирск, 2003. С. 142.
- ¹⁹ О сюжетной ситуации «Вишневый сад», получившему распространение не только в русской, но и в мировой литературе, см.: *Полоцкая Э. А.* Вишневый сад: жизнь во времени. М., 2003. С. 81–151.

Александр Александров
(Санкт-Петербург)

Из истории создания первой биографии А. П. Чехова

Критик Александр Алексеевич Измайлов (1873–1921) был известен также как автор историко-литературных работ. Он написал ряд критико-биографических очерков к собраниям сочинений таких писателей, как А. И. Левитов, П. И. Мельников-Печерский, Вс. С. Соловьев, И. Л. Леонтьев-Щеглов, а также две книги: «Чехов. 1860–1904. Биографический набросок» (1916)¹, которая в современном чеховедении традиционно считается первой биографией писателя, и «Лесков и его время» (1921).

Обращение к архиву Измайлова, значительная часть которого сохранилась в Рукописном отделе ИРЛИ (Ф. 115), позволяет нам реконструировать отдельные факты истории создания книги о Чехове.

Изучением биографии Чехова Измайлов начинает заниматься с 1906 г.² Вероятно, тогда же возникает и замысел книги о нем. Уже в 1907 г. в «Биржевых ведомостях» появляются первые крупные статьи критика: «Роман Антона Чехова» и «Чехов и Лейкин»³, объемная статья о Чехове вошла в сборник «Литературный Олимп» (1911). Однако композиция книги о Чехове такова, что нельзя говорить о ней как о сборнике статей критика, вышедших в разное время и соединенных единством темы, как это можно наблюдать в его книгах «Помрачение божков и новые кумиры», «Литературный Олимп» и «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья». «Чехов. 1860–1904. Биографический набросок» — это цельная книга, в которой главы объединены не только единством темы. В книге шестнадцать глав: первые тринадцать представляют собой подробную биографию Чехова; последние три («В поисках света. Религия Чехова», «Обида непонимания. 25 лет критики». «Земле земное. Личность и творчество») — это ранее опубликованные в разных журналах⁴ статьи, которые являются синтезом всей книги, подводят итог под всем сказанным в «биографическом наброске».

О работе над историко-литературным трудом и о своей задаче Измайлов написал в девятой главе следующее: «Основная задача биографа — поставить литературный труд писателя в живую связь с его личной жизнью и психикой — далеко не всегда осуществимая задача

в отношении Чехова»⁵. Действительно, в начале XX в. биографами часто использовался такой прием, который к Чехову не мог быть применен — при создании биографических статей и книг критики пытались выудить биографические факты из произведений писателей (этот прием Измайлов активно будет использовать в работе над своей книгой о Лескове). А произведения Чехова давали мало материала для реконструкции биографии писателя. Поэтому основными источниками для работы Измайлова послужили воспоминания литераторов, письма Чехова — именно этот корпус материалов и составил основу книги. Но в то же время Измайлов оговаривается: «Материал переписки, субъективный, текущий, противоречивый, в высшей степени зависящий от настроения даже у такого духовно-здорового человека, каким был Чехов, в свою очередь требовал большой критической осторожности»⁶.

Достаточно точно Измайлов дает жанровое определение своей книги — биографический набросок. Материал книги, по мнению Измайлова, не претендовал на всю полноту, отсюда и такой подзаголовок — набросок. В связи с этим критик заметил: «Несмотря на определенное критическое освещение событий жизни Чехова, автор не решается назвать свое, хотя бы и разросшееся исследование иначе, чем биографическим наброском»⁷.

Произведения писателя Измайлов практически не подвергает интерпретации, критической оценке, вписывая их в свою работу только как факт чеховской биографии и истории литературы (пишет о появлении, о значении в литературном процессе, приводит отклики критиков, иллюстрирует произведения письмами, как самого Чехова так и его современников). Именно эпистолярный и воспоминания современников составили основу книги о Чехове.

Помимо воспоминаний, предоставленных писателями так называемого «чеховского круга»⁸, большой корпус материалов критику предоставил Ф. Ф. Фидлер, о чем он оставил ряд ценных воспоминаний. 19 марта 1915 г. Фидлер сделал следующую заметку в своем дневнике: «Сегодня Измайлов вернул мне семьдесят девять писем Чехова из моего архива — они понадобились ему для биографии Чехова, которую он пишет. Нужные места он начитал на диктофон (это, по его словам, отнимает меньше времени, чем копирование). Некоторые из них чрезвычайно важны...»⁹. Еще одно интересное воспоминание относится к тому же году: «Вчера я получил в подарок для моего “музея” интересный документ: расчет Чехова с журналом “Осколки” (указание номеров журнала, в которых печатались его вещи, и количество строк в каждой

из них). Когда я сказал ему (Потапенко) об этом, он посоветовал продать этот документ Лидии Филипповне Маркс. Я ответил, что бесплатно предоставил его сегодня в распоряжение Измайлова (факт). Он посмелся над моей непрактичностью... Когда полчаса назад я сообщил Венгерову (по телефону) об этом приобретении, он сказал: “Я тебя *за-режу!*”»¹⁰.

Помимо достаточно большого корпуса неизданных материалов, воспоминаний, а подчас и сплетен, в распоряжении Измайлова был внушительный массив опубликованного наследия Чехова, в первую очередь, это произведения и письма, которые он обильно цитирует в своем труде. В своей книге критик упоминает ряд источников: «Огромное наследство “начинающего” Чехова обнаружилось только после его смерти. Спустя два года после нее И. Ф. Масанов исполнил нелегкий труд пересмотра всех юмористических журналов и всех московских иллюстраций поры чеховской молодости и подвел итог даже всем мелочам, вышедшим из-под его пера (Библиография сочинений А. П. Чехова, “Русск. архив” 1906 г.). Это было поистине целое открытие.

Журналы и газеты по крохам перепечатали добрую половину этих забытых материалов. Большую и лучшую часть их русский читатель получил в дополнительных томах сочинений Чехова, издания Маркса»¹¹. Еще одним важным источником книги стало собрание писем Чехова в шести томах, выпущенное книгоиздательством писателей Москвы в 1912–1916 гг., под редакцией М. П. Чеховой. О работе с этим изданием осталось воспоминание Фидлера: «Из пятитомного <sic! > <...> собрания писем Чехова Измайлов вырезал все места, нужные ему для его биографии как источник сведений: “Стоимость испорченных книг куда меньше, чем сумма, которую стоило бы мое время, затраченное на копирование этих мест”»¹².

Кроме того, критик приводит в своей книге воспоминания Александра Чехова, А. С. Суворина, А. Я. Бесчинского, А. В. Амфитеатрова и пр., дает ссылки на биографический очерк Михаила Павловича Чехова, на очерк Ф. Мускатблита 1910 г. и сборник критических материалов Покровского 1907 г., — материалы редко цитируемые и не перепечатававшиеся в последние годы.

Уникальность этой книги состоит также в том, что она создавалась практически сразу после смерти Чехова и критик получал важнейшие сведения о жизни Чехова от современников писателя: его родственников, друзей и коллег.

В 1907 г. Измайлов вступает в важную переписку с А. С. Лазаревым-Грузинским, который близко был знаком с А. П. Чеховым и его семьей.

Эта переписка, необычайно информативная и насыщенная, наполнена интересом обоих корреспондентов к фактам из жизни Чехова; многочисленные письма Лазарева-Грузинского сохранили советы, комментарии к измайловским статьям, поправки, интересные сведения о родственниках Чехова, живущих в Москве.

Так уже к статье 1907 г. «Чехов и Лейкин» Лазарев-Грузинский присылает свой, весьма важный комментарий. В частности, Измайлов в статье цитирует письмо Чехова: «Был у меня как-то П. (Пушкарев). Мы, разумеется, выпили. После выпития он умилился и вдруг пришел к заключению, что мне обязательно нужно баллотироваться в пушкинский кружок. В конце концов пообещал написать о моей баллотировке вам и на другой день прислал мне устав кружка»¹³.

На этот эпизод измайловской статьи Лазарев-Грузинский присылает такой комментарий: «Позволяю себе продолжать “примечания” к Вашим статьям — “Затерянный роман”¹⁴ и “Чехов и Лейкин”.

<...>

*** Чехов пишет Лейкину: “был у меня как-то П.” (Вы добавляете: “Пушкарев”). “Мы разумеется, выпили” и т. д.

Где дело касается выпивки, так, несомненно, следует подразумевать Пальмина. Пальмин был одно время большим приятелем Чехова, они ходили друг к другу часто и выпивали. О Пушкареве Чехов упоминает в письмах Лейкину раз или два, где дело касается журнала “Свет и Тени” и пушкаревской Свечи. Пушкарев, конечно, знал Чехова, но едва ли ходил к нему в мансарды и т. п. Пушкарев в то время был персоной. У него была своя типография, доходные издания и пр. Я знал студента, репетировавшего его детей (или “его дитя”). Пушкарев занимал очень большую квартиру и жил баринком. От Чехова я никогда не слышал, чтобы у него бывал Пушкарев».¹⁵

В 1907 г. Измайлова увлекает один интригующий сюжет биографии Чехова, связанный Д. А. Мансфельдом и «утерянным» романом А. Чехова. Измайлов приводит в своей книге воспоминания Д. А. Мансфельда: «<...> Ко мне в редакцию <...> зашел худощавый молодой человек с небольшой бородкой и в пенсне. Он отрекомендовался Чеховым и предложил мне посмотреть написанный им роман, который принес с собой. Это был громадный фолиант, толщиной почти в полторы стопы бумаги. Взглянув на эту рукопись и даже не просматривая ее, я категорически отказал автору в ее напечатании<...>»¹⁶.

Многое в прояснения этой таинственной истории сделал именно Лазарев-Грузинский, с которым Измайлов советовался в отношении этого сюжета. Так в одном из писем приятель Чехова сообщал критику:

«Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Как раз в день отсылки Вам письма о романе Чехова зашел ко мне Левитан (брат покойного Исаака Левитана, тоже художник и мой старый приятель), просидел у меня вечерок и дал мне возможность прислать к письму маленькое дополнение. Я рассказал ему о сказании Мансфельда и моем письме к Вам, и разговор, естественно, перешел на “доброе, старое время”. Левитан работал в “Радуге”, рисовал там портреты (тогда еще не было цинкографии с фотографии), как раз рисовал портрет покойной жены Мансфельда, какой-то француженки, во всю страницу журнала и очень хорошо помнит соболезнующие письма подписчиков, которые Мансфельд печатал в “Радуге”. Я не ошибся ни на йоту. Далее. Левитан познакомился с Ант. Чеховым года на 3–4 раньше меня, приблизительно с 1882–1883 гг. Брат Чехова, Николай и Исаак Левитан жили в “Восточных номерах”; Антон приходил к Николаю, Адольф Левитан к Исааку, так как Николай и Исаак были друзьями, то и произошло общее знакомство и сближение. (К слову сказать, Николай Чехов и Исаак Левитан были очень симпатичными людьми: я знал обоих.) Так вот, на основании более старого знакомства с Ант. Чеховым, Левитан отрицает возможность хождения Ант. Чех. с романом к Мансфельду. Все, что он помнит о Чехове, противоречит этому хождению. Он вполне присоединяется к своему взгляду, что Антон Чех. у Мансфельда не был.

Еще два слова. Может возникнуть предположение, почему Ант. Чехов не отсоветовал брату обращаться к мало-литературному редактору? Но, во-первых, и сам роман мог быть малолитературным произведением, во-вторых, нужда могла быть сильнее советов. Т. н., Ал. Чехов работал в “Московском Листке”, что тогда считалось в Москве дурным тоном для пишущей братии. Сам Ант. Чехов никогда не писал в “Московский Листок”».¹⁷

К вопросу о «таинственном» романе А. Чехова Измайлов и Лазарев-Грузинский будут в своих письмах возвращаться еще не раз. В частности, в конце 1908 г. Лазарев-Грузинский сообщит: «Я уже писал Вам и повторяю, что Александре Чехову не верю, как и Вы. Найти же его роман невозможно. Он, напроимер, печатал роман в “Новороссийском Телеграфе”, мог печатать и других провинциальных газетах, названия которых мы не знаем. Как же найти этот роман? Да и газеты уже покойник<и> на манер “Новороссийского Телеграфа”».¹⁸

История с мифическим романом Чехова так и осталась не разгаданной литератором окончательно. Измайлов выдвинул предположение,

что автором этого романа мог быть не Антон Павлович, а его брат, Александр Павлович, несмотря на то, что он напечатал заметку о своей непричастности к этой тайне¹⁹. Расследование, проведенное критиком, целиком вошло в книгу в главу III «Чехов-романист»; свои предположения, выводы и догадки критик подкрепляет свидетельствами А. С. Лазарева-Грузинского.

Любознательность Измайлова к истории с мифическим романом весьма показательна, и в этом следует видеть не только проявление его личного любопытства, но также и специфику его работы. Газета всегда тяготела к сенсационности, к ярким и необычным новостям. Такие сплетни критик любил приводить в частных разговорах. Фидлер оставил немало упоминаний о таких рассказах. В 1905 г. он сделал следующую запись в своем дневнике: «Вчера в половине второго пришел Измайлов осмотреть мой “музей”; собирался уйти в четыре, но остался до девяти: столько нашлось для него интересного. Рассказывал: когда стало известно, что Чехов решил жениться на Книппер, все очень удивились. А когда кто-то из близких к его семье стал его поздравлять, Чехов сказал: “К чему это? Ты же знаешь, что мы уже семь лет живем друг с другом как муж и жена!”».²⁰ Также в 1915 г. Фидлер вспоминал: «Сегодня гулял с Измайловым по лютеранскому Смоленскому кладбищу <...>. Он рассказывал, что в своей “Попрыгунье” Чехов изобразил семью, хозяйка которой состояла в связи с художником Левитаном, это было известно всей Москве, кроме мужа-рогоносца»²¹.

Измайлов в своей книге касается проблемы религиозных взглядов Чехова. Этот вопрос он поднимал уже в ряде очерков и публичных лекций²², в книге же он посвящает ему особую главу — «В поисках света. Религия Чехова».

Эту главу Измайлов построил по принципу большинства глав книги: начинает с тезиса, который в последствии доказывает: «Самый век, изверившийся и равнодушный, посмеивавшийся над религиозным исканием Толстого, самое происхождение Чехова из крестьянской, сурово и безрадостно религиозной семьи, его образование медика, с верою, что в природе существует только материя, в человеке — органическая клетка, а мысль есть продукт мозга, самая среда, в какой ему пришлось вращаться поначалу, обивая редакционные пороги, — все это мало располагало к тому, чтобы из Чехова вышел не только горячий искатель веры, но и просто человек повышенного религиозного чувства. Но от природы глубокая натура, он не мог заглушить в себе ни умственного интереса к религии, ни тех подсказов сердца, которые непреодолимы для человека, вышедшего из верующей семьи»²³.

Выдвинутый тезис критик доказывает на протяжении всей главы, цитируя письма, произведения Чехова, обращаясь к фактам личной жизни писателя, и заключает свои размышления выводом: «Он думал о Боге, чувствовал что толстовское понимание Евангелия ему ближе всего. Из Нафанаилов часто выходят Никодимы, приходящие ко Христу ночью. Такой поворот как бы намечается в Чехове последних лет, но положительно говорить об этом нет достаточных оснований. Одно правдоподобно, что если бы его интимно и глубоко серьезно спросили, зачем же он так часто поминает Христа и так принимает все Его нравственное учение, не принимая Его Самого, — он ответил бы так же, как зоолог фон Корен: “Нет, я верую, только не по-вашему, а по-своему”».²⁴

Отметим, что именно поднятый Измайловым вопрос о религиозных убеждениях Чехова был актуализирован в литературоведении в последние годы. Обсуждению спорного вопроса был посвящен международный чеховский симпозиум в Баденвейлере (22–24 октября 1994 г.)²⁵, который положил начало ряду статей монографий в отечественном литературоведении. Религии Чехова посвящена статья А. П. Чудакова «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...»²⁶, в которой он отдает должное Измайлову, называя его разыскания до недавнего времени «наиболее обстоятельными»²⁷. Статьи Измайлова отмечены и в монографии Анатолия Собенникова «Между “есть Бог” и “нет Бога” (о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова)».²⁸

После выхода книга стала весьма популярной среди читающей публики, и к Измайлову начали приходиться многочисленные письма от знакомых Чехова с указаниями на неточности, желательные дополнения. Например, в своем письме Гнедич указывает биографу: «Дорогой Александр Алексеевич — спасибо Вам за книгу о “Чехове”. Я ее просмотрел бегло, читать буду на будущей неделе. Много очень интересного. Пропуск есть вот какой: в 1893 году Чехов приехал в Петербург, положил основание беллетристическим обедам, что потом существовали лет двенадцать. История этих оснований и сами обеды еще не нашли своего “историка”. В публичной библиотеке есть два альбома этих обедов. <...> Об них сказать стоит. Я как-нибудь возьмусь за это»²⁹. Писем с подобными замечаниями сохранились десятки в измайловском архиве.

Возникает замысел переиздания книги. Безусловно, о жизни Чехова лучше, чем его родственники, и, прежде всего, сестра, посвятившая всю свою жизнь брату, не знал никто, поэтому Измайлов отдает печатный экземпляр в семью Чеховых с просьбой внести коррективы. Исправления в первое издание были действительно внесены³⁰, и биограф подготовил уже все для второго, исправленного издания³¹, однако полити-

ческие события, начавшиеся в стране, не позволили воплотить этот замысел в действительность.

Разыскания Измайлова были востребованы в среде русской эмиграции (не без основания следует полагать, что его работа была на то время наиболее обстоятельной и самой известной). В 1929 г., в издаваемом в Чикаго литературном журнале «Москва», в номере, посвященном А. П. Чехову, по очерку Измайлова была составлена биография писателя³².

В современном чеховедении книга Измайлова не пользуется большой популярностью; она как-то затерялась в потоке научной литературы и даже в биографические работы редко вспоминается имя первого биографа³³. А между тем эта работа написана тонким знатоком творчества Чехова, афористичным и необычайно проникновенным стилем, который всегда был присущ критике.

Примечания

- ¹ См. статью Н. Ф. Ивановой, в которой рассматриваются другие биографии Чехова. Исследовательница называет первым биографом Чехова брата писателя — Михаила Павловича Чехова (*Иванова Н. Ф.* Первый биограф Чехова и его биографические очерки // *Биография Чехова: итоги и перспективы.* Великий Новгород, 2008. С. 126–144).
- ² См. также ранние статьи Измайлова: *Измайлов А. А.* Литературное обозрение // *Биржевые ведомости.* 1898. 28 авг. (9 сент.), № 234. С. 2 [О рассказах Чехова «Крыжовник» и «О любви»]; *Измайлов А. А.* Литература. Новый рассказ Чехова // *Биржевые ведомости.* 1902. 11 мая, № 129. С. 2; *Смоленский* [Измайлов А. А.] Театр. Александринский театр. «Чайка» А. П. Чехова // *Биржевые ведомости.* 1902. 16 ноября, № 313. С. 5 и т. д.
- ³ *Измайлов А. А.* «Роман Антона Чехова» // *Биржевые ведомости.* Утр. вып. 1907. 3 янв., № 9676. С. 3; А. И. [Измайлов А.] Литературные заметки. Чехов и Лейкин // *Биржевые ведомости.* Утр. вып. 1907. 28 марта, № 9818. С. 3.
- ⁴ См. сноску 22 настоящей статьи.
- ⁵ *Измайлов А. А.* Чехов. М., 1916. С. 377.
- ⁶ Там же. С. 5.
- ⁷ Там же. С. 6.
- ⁸ К примеру, И. И. Ясинский в своей книге «Роман моей жизни» вспоминал: «Какие-то письма его были напечатаны мною по просьбе биографов Чехова, когда он умер. Одни письма хранятся еще у меня, а остальные автографы я подарил собирателям литературных документов Фидеру, Юргенсону, да еще Измайлову» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 273).
- ⁹ *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов / Сост. К. М. Азадовский. М., 2008. С. 658.
- ¹⁰ Там же. С. 664–665.

- ¹¹ *Измайлов А. А.* Чехов. С. 76.
- ¹² *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. С. 659.
- ¹³ А. И. [А. Измайлов] Литературные заметки. Чехов и Лейкин // *Биржевые ведомости.* Утр. вып. 1907. 28 марта, № 9818. С. 3.
- ¹⁴ Речь идет об отмеченной нами статье Измайлова «Роман Антона Чехова».
- ¹⁵ Письмо А. С. Лазарева-Грузинского к А. А. Измайлову [1907 — датируется по содержанию] // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 173. Л. 7.
- ¹⁶ *Измайлов А. А.* Чехов. С. 210.
- ¹⁷ Письмо А. С. Лазарева-Грузинского к А. А. Измайлову от 31 июля 1907 // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 173. Л. 3.
- ¹⁸ Письмо А. С. Лазарева-Грузинского к А. А. Измайлову от 26 сентября 1908 // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 173. Л. 29.
- ¹⁹ См.: *Измайлов А. А.* Чехов. М., 2003. С. 204–205.
- ²⁰ *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. С. 415.
- ²¹ *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. С. 665. Ср. с текстом книги: «В 1892 г. В «Севере» появилась «Попрыгунья» — рассказ, доставивший Чехову огорчения сверх обычных. Кажется, что на этот раз художественная фантазия писателя работала в самом деле в большей или меньшей близости к действительности, — в рассказе получилось что-то портретное. В Москве доселе живет легенда о том, что Чеховым зарисованы здесь живые люди. В своей памфлетической статье Н. Ежов впервые печатно указал, что здесь Чехов вывел известного И. И. Левитана и одну даму-художницу, теперь тоже покойную. Левитан, не ожидавший такого поступка от друга юности, хотел стреляться с Чеховым, но после некоторого колебания написал ему резкое письмо и надолго с ним разошелся, а от дома затронутой дамы Чехову было категорически отказано» (*Измайлов А. А.* Чехов. С. 304).
- ²² См.: *Измайлов А. А.* Вера или неверие // Лит. приложение к «Ниве». 1910, № 6. С. 241–260; Там же. № 7. С. 405–430; *Измайлов А. А.* Вера или неверие // Литературный Олимп. М., 1911. С. 133–179; А. П. Был ли религиозен А. П. Чехов? (Лекция А. А. Измайлова) // *Русское слово.* 1910. 3 марта, № 50. С. 4–5.
- ²³ *Измайлов А. А.* Чехов. С. 533.
- ²⁴ Там же. С. 559.
- ²⁵ См.: Anton P. Cechov. Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. Материалы II-го международного чеховского симпозиума в Баденвейлере 22–24 октября 1994 года. München 1997.
- ²⁶ См.: *Чудаков А.* «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле...» // *Новый мир.* 1996. № 9. С. 186–192.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Собенников А.* «Между «есть Бог» и «нет Бога»» (о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск. 1997.
- ²⁹ Письмо П. П. Гнедича к А. А. Измайлову от 2 октября. [1915 — дата восстановлена по содержанию] // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 90 Л. 46.
- ³⁰ См.: «Чехов» (Жизнь-творчество-личность / печатный экземпляр книги с примечаниями Марии Павловны, Михаила Павловича, Ивана Павловича Чеховых и Измайлова А. А.) // РО ИРЛИ. Фонд 115. Оп. 1. Ед. хр. 7. 592 л.

- ³¹ См.: «Чехов. Жизнь—личность—творчество» Печатный экземпляр, исправленный для второго издания рукою автора. 1918 год // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп 1. Ед. хр. 8. 600 л.
- ³² См.: Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2 Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 236.
- ³³ Отметим, что существует переиздание книги Измайлова издательством «Захаров» Заготовок рецензии на это издание, помещенной в «Чеховском вестнике» — «Будьте осторожны...» — говорит само за себя (См.: *Бушканец Л.* Будьте осторожны... // Чеховский вестник. 2004. №. 15. С. 27–28).

Елена Глуховская
(Санкт-Петербург)

К вопросу о Вечной Женственности у русских символистов (на примере поэзии Эллиса)

«Соловьевым таинственно мы крещены...»¹ Эта строка из цикла «Александрю Блоку», открывающего последнюю прижизненную книгу лирики Вяч. Иванова «Нежная тайна — Лепта», необыкновенно точно характеризует второе поколение символистов и определяет то влияние со стороны предшественников, которое их объединило и отличило от первого поколения.

Если для первого поколения, по мнению исследователей, «Соловьев представлял собой архетип отца, которого надлежит свергнуть», то второе «видело в нем благосклонного и достопочтенного предка, провидца, воина, павшего в борьбе за духовное обновление, отвергнутого так же, как и они, косным обществом»².

Среди философских идей Вл. Соловьева особый интерес вызвала идея о Софии — Премудрости Божьей. В творчестве символистов эта идея преломлялась, подвергалась деформации: урезанию и ретушированию, либо развитию и расширению.

Общий круг тем, связанных с Софией, четко указан Андреем Белым. Он свидетельствует, что в переписке поэты обсуждали вопрос о том, «в каком отношении учение о Софии-Премудрости стоит: 1) к метафизике; 2) к церкви; 3) к учению Конта о великом Существо Человечества; 4) к гносеологии Канта; 5) к рыцарскому культу Прекрасной Дамы Средневековья; 6) к Беатриче Данте и *Ewige Weibliche* (Вечной Женственности) Гете; 7) к учению о любви Платона; 8) к личной биографии Соловьева»³.

Блок выбрал служение Прекрасной Даме как путь к познанию и соединению с Вечной Женственностью, Софией.

Для Белого символ «Жены, облеченной в Солнце» являлся «символом органического начала жизни, душою мира, долженствующей соединиться со словом Христа»⁴.

Предметом нашего исследования стал миф и соответствующие ему символы Вечной Женственности в книге Эллиса «*Stigmata*». Композиционно книга ориентирована на «Божественную комедию» Данте. В ней четко обозначены три части: ад, чистилище и рай. Каждая часть обла-